

Праздность и свобода по Монтеню

СТАНИСЛАВ САВИЦКИЙ

Доцент, руководитель, Центр современного искусства, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ). Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Галерная, 58–60. E-mail: stassavitski@yahoo.com.

Ключевые слова: Мишель де Монтень; «Опыты»; эссе; праздность; свобода.

В статье высказывается предположение о композиции эссе Мишеля де Монтеня «Опыты». Вопрос о том, что объединяет тематически разнородные размышления автора, ход которых непредсказуем, а выводы зачастую противоречат друг другу, неоднократно обсуждался специалистами по Монтеню и исследователями, занимающимися интеллектуальной историей Ренессанса. Произвольность рассуждений — способ, с помощью которого на протяжении многих лет Монтень создавал автопортрет. Спонтанный ход мысли есть существо портретируемого героя и метод реализации этого небывалого для своего времени и едва ли превзойденного впоследствии литературного эксперимента. Монтень неоднократно рассуждает о свободе размышления, ставя ее во главу угла своей книги. На основе этих рассуждений предпринимались разные попытки интерпретировать беспорядочность как композиционную систему «Опытов». Согласно одному из толкований, спонтанность дигрессий и открытость текста к разным философским идеям есть проявление принципов *varietas* и *distinguo*, осмысляемых Монтенем в контексте современной ему философии Возрождения. Согласно другой

точке зрения, «Опыты» построены на риторике юридического комментария эпохи Ренессанса. Есть интерпретация книги Монтеня как репрезентации *sprezzatura* — намеренной небрежности, подчеркивающей эстетический характер подобного письма.

В данной статье существующие толкования дополняются новым. В его основе лежит понятие праздности, которому Монтень придавал важное значение, ценя роль *otium*'а в древнеримской культуре и понимая досуг как внутреннюю духовную работу самопознания. Праздность, дающая возможность быть предоставленным самому себе, — идеальная форма и практика свободы мысли в изоморфности письма, жизни и действительности, которым, по Монтеню, присуще одно общее свойство — тотальное непостоянство. Сократическое самопознание, скептицизм в традициях Пиррона и Секста Эмпирика, отторжение условностей риторической традиции по аналогии с антириторической позицией Сенеки, будучи поставлены на службу праздности, сделали возможным интеллектуальный и литературный эксперимент, воплощенный в «Опытах» Монтеня.

Порядок размышлений — одна из ключевых тем «Опытов» Мишеля де Монтеня, занимающая исследователей этой книги не менее, чем самого автора¹. Свобода перехода от одного сюжета к другому, от одной проблемы к другой — безотносительно к тому, связаны ли они друг с другом хотя бы ассоциативно, — осмысляет одним из создателей жанра эссе как принцип письма. Монтень много пишет о произвольности как форме и механизме рассуждений, сравнивая «Опыты» то с небрежно собранным маркетри, то с разросшейся от многочисленных дополнений версией «Метаморфоз» Овидия. Читателю, напрасно пытающемуся уследить за непредсказуемыми дигрессиями Монтеня², эти теоретические объяснения помогают понять структуру книги и ее замысел в целом. Исследователи зачастую реконструируют проект «Опытов», развивая рассуждения их автора о свободе размышлений. Ведь концептуализировать хаотичность эссе Монтеня означает определить композицию и особенности текста, наделяющего читателя упоительной свободой, с которой Монтень пишет этот умозрительный автопортрет.

Статья подготовлена при финансовой поддержке СПбГУ в рамках научно-исследовательской работы «Труд и досуг в истории, экономике и культуре».

1. Один из лидеров «нового романа» и теоретик, осмыслявший концепт спонтанности в литературе, Мишель Бютор в своей книге *Essais sur les Essais*, противопоставляя принцип случайности как свободы поэтического вдохновения хронологическому принципу организации текста Монтеня, который отстаивает ряд исследователей, пишет: «Какой же ключевой образ выстраивается в каждом из трех томов — образ, который последующие наслоения текста не разрушают, но делают, напротив, еще более точным, метким и отличимым? Для композиции «Опытов» этот вопрос представляется наиболее важным» (*Butor M. Essais sur les Essais*. P.: Gallimard, 1968. P. 18–19). Книга Бютора вдохновила американского литературоведа Рэндолфа Пола Раниона, предпринявшего попытку описать структуру «Опытов» как систему «интратекстуальной симметрии» — свободной импровизации вокруг ключевой темы, которая развивается по принципу орнаментирования изображения гротесками, характерному для искусства Возрождения (*Runyon R. P. Order in Disorder: Intratextual Symmetry in Montaigne's Essays*. Columbus: Ohio State University Press, 2013).
2. Историк философии и авторитетный специалист по скептицизму Ричард Попкин удачно охарактеризовал книгу Монтеня как “*impressionistic and learned digressions... on a very wide range of topics*” («импрессионистические и свободные размышления эрудита, посвященные очень широкому кругу проблем»; *Popkin R. H. The History of Scepticism: From Savonarola to Bayle*. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 46).

Французский искусствовед Даниэль Арасс в своем эссе, посвященном реконструкции принципа оформления *studiolo*³ графа Фредерика Монтефельтро, дополнил наблюдения исследователей «Опытов». Многие из них пишут о характерной для большинства эссе рамочной композиции, задающей тему размышления в начале и подводящей рассуждения к ней же в финале, но при этом допускающей любые дигрессии в основной части текста, будь он длиной полторы или несколько сотен страниц. Арасс убедительно и остроумно описал произвольность изложения в книге, которая создавалась в знаменитой башне-библиотеке (тоже своего рода *studiolo*), как проявление *sprezzatura* — “*une feinte nonchalance, une inattention apparente de grâce, un art où l'art cache l'art*”⁴. По мнению Арасса, одного из самых авторитетных современных интерпретаторов искусства Возрождения, именно *sprezzatura* — притворная небрежность, таящая в себе самую сущность эстетического опыта, — сближает автора знаменитого трехтомника с представителями знати, которые следовали правилам поведенческой этики, сформулированным Бальдассаре Кастильоне в его книге «Придворный». Именно на ее страницах был описан принцип *sprezzatura*.

Французский искусствовед, предлагая новое объяснение произвольности соположения фрагментов в «Опытах», подчеркивает значение социального статуса Монтеня: высокопоставленному вельможе должна быть свойственна эта особенная легкость рассуждения о пережитом, за которой может скрываться высокое искусство философствовать и талант изобретать новые литературные формы. При всем этом статус, вне всяких сомнений, не главная предпосылка творческой свободы Монтеня. По Арассу, ее исток — в последовательном описании своего интеллектуального, психологического, экзистенциального и социально-политического опыта:

«Я рисую не кого-либо, а себя самого»: в 1580 году, почти не заводя речь о себе, он производит это рисование себя в форме текстов, в которых автор испытывает на себе разные вещи, при этом тексты кажутся представленными без определенного порядка. Читателю следовало бы воспринимать их как упражнение в произвольно разворачивающихся размышлениях, как *sprezzatura* в наслаждении самим собой⁵.

3. Небольшой приватный кабинет для занятий науками и искусствами (*ut.*).

4. «Притворная непринужденность, мнимое невнимание к изяществу, искусство, искусно утаивающее искусство» (*Arasse D. Le sujet dans le tableau. Essais d'iconographie analytique. P.: Flammarion, 2006. P. 42*).

5. Ibid. P. 55.

В этом изящном и остроумном искусствоведческом эссе бордосский мыслитель, о котором много написано как о последователе таких разных философов, как Лукреций, Пиррон, Плутарх, Секст Эмпирик, Сенека и Эпикур, предстает перед нами в новом свете: как интеллеktуал, предпринимающий смелый умозрительный современный эксперимент на границе рефлексии и нарциссизма. Монтень оживает как актуальный ныне автор, в наследии которого искали истоки современности многие философы и исследователи. Оригинальной среди прочих попыток реактуализации «Опытов» представляется книга Жана Старобински «Развивая Монтеня»⁶, разрабатывающая постулаты скептической философии Монтеня в постмодернистском контексте. О его сочинении как об образце философии скептицизма, как об одном из первых в европейской истории литературных автопортретов или как об истоке жанра эссе сказано немало⁷. Большинство исследователей отмечали переменчивость интеллектуальных интересов французского писателя, увлекавшегося на протяжении многолетней работы над «Опытами» разными философскими идеями. В этом отношении значимой и авторитетной представляется монография Жана-Ива Пуйю — автора одного из наиболее интересных исследований литературной формы «Опытов» как экспериментальной инновации⁸. Среди работ о методе Монтеня нельзя обойти вниманием книгу Андре Турнона «Монтень: глосса и эссе», в которой было высказано неожиданное и правдоподобное предположение о том, что структуру «Опытов» определяет ренессансная юридическая глосса-комментарий⁹. Неоднократно обсуждался в связи с книгой Монтеня его интерес к сократической идее самопознания человека, а также рассуждения о многообразии форм непостоянства, в некотором отношении опосредованные философией Сократа.

Концепт непостоянства чрезвычайно существенен для понимания произвольности размышлений, определяющей форму и структуру «Опытов». По Монтеню, непостоянство тотально. Оно при-
суще человеческому опыту: «Жизнь — это неровное, неправильное

6. *Starobinski J.* Montaigne en mouvement. P.: Gallimard, 1992.

7. *Bowen B. C.* The Age of Bluff: Paradox and Ambiguity in Rabelais and Montaigne. Urbana: University of Illinois Press, 1972; *Compagnon A.* Nous, Michel de Montaigne. P.: Seuil, 1980; *Popkin R. H.* Michel de Montaigne and the Nouveaux Pirrhoneiens // *Popkin R. H.* The History of Scepticism: From Savonarola to Bayle. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 44–63; *Regosin R. L.* The Matter of My Book: Montaigne's "Essais" as the Book of the Self. Berkeley: University of California Press, 1977; *Hendrick P. J.* Montaigne, Lucretius and Scepticism: An Interpretation of the Apologie of Raimond Sebond. Dublin: Royal Irish Academy, 1979.

8. *Pouilloux J.-Y.* Montaigne. L'éveil de la pensée. P.: Champion, 1995.

9. *Tournon A.* Montaigne: la glose et l'essai. P.: Champion, 2000.

и многообразное движение»¹⁰. Сама действительность дана нам в непостоянстве, как множественность различий: «Мир — не что иное, как бесконечное разнообразие и несходство»¹¹. Резюмируя идеи Лукреция о преходящести и изменчивости природы и человека как биологической особи, Монтень предваряет цитату из римского философа лаконичной формулировкой «время и непрерывное рождение постоянно разрушают и претворяют все предшествующее»¹². Итак, непостоянство онтологично и экзистенциально, непрерывными изменениями живет естественный мир. Также непостоянство коренится в существе культуры и цивилизации: обычаи и коллективные представления, распространенные у разных народов, разнятся зачастую абсурдным образом. Монтень с увлечением рассказывает о том, что большой палец руки может выполнять разные символические функции у варварских племен, древних римлян, древних греков и спартанцев¹³. Непостоянство присуще человеческой природе: из-за переменчивости восприятия и сознания последовательность во взглядах на общество и политику невозможна. Человек подвержен страстям, зависим от переменчивых эмоций; ко всему прочему, его привычки и представления опосредованы климатом, в котором он формируется и существует. Изменчивы в том числе и наши знания о мире, технике и культуре¹⁴.

Разбору представлений Монтеня о постоянстве и непостоянстве в контексте интеллектуальной истории Ренессанса посвящена содержательная работа Себастьяна Прата «Постоянство и непостоянство у Монтеня»¹⁵. Два понятия, вынесенные в заглавие, рассматриваются французским литературоведом как определяющие поэтику «Опытов» концепты. Прат доказывает, что метод Монтеня зиждется на принципе *varietas*, сформулированном итальянскими гуманистами эпохи Ренессанса как своего рода интеллектуальный эклектизм, дарующий свободу¹⁶. Следует согласиться с Пратом, когда он утверждает, что многообразие тем и сюжетов, о которых можно вести речь в тексте, не следуя линейному порядку повествования и размышления, в той же мере свойственно произведениям гуманистов, что и книге Монтеня: *“La diversité des emprunts, en plus de jouer un rôle au niveau de la reconnaissance de la culture humaniste de l’auteur, dénote*

10. Монтень М. де. Опыты: В 3 кн. М.: Голос, 1992. Кн. 3. С. 39.

11. Там же. Кн. 2. С. 12.

12. Там же. Кн. 2. С. 300.

13. Там же. Кн. 2. С. 397–398.

14. Там же. Кн. 2. С. 263.

15. Prat S. Constance et inconstance chez Montaigne. P.: Classiques Garnier, 2011.

16. La Varietas à la Renaissance / D. de Courcelles (dir.). P.: Ecole des chartes, 2001.

*d'avantage encore la condition de possibilité de la pensée libre...*¹⁷ Французский мыслитель развивает метод *varietas*, наделяя его энергией интеллектуального удовольствия (*le plaisir de la pensée*) и основывая на нем саму практику интеллектуального суждения¹⁸. Как ценностный концепт, *varietas* определяется другим важным для Монтеня принципом письма и интеллектуальной работы — *distinguo* («различать, выбирать»). Этот принцип, перенятый из системы аргументации схоластов, предполагает разрушение цельности представлений о человеческом опыте и установку на точное суждение в каждом отдельно взятом случае. Интересно и остроумно замечание Прата, обращающее внимание на то, что глагол *distinguer* (*distinguere*) также означает «красить другим цветом, сопологать разные цвета». Это значение позволяет толковать понятие *distinguo* в контексте метафорического сопоставления «текст — текстиль». В частности, Прат приводит несколько примеров того, как Монтень сравнивает «Опыты» с пестрой тканью. Параллель между дигрессивным текстом и тканью с разноцветным узором (писателем и ткачом) прослеживается у Плутарха — одного из любимых авторов Монтеня¹⁹. Метафора пестрой ткани репрезентирует «внутреннее» непостоянство человеческого опыта, дополняющее «внешнее», которое исключает обобщения, определяя достоверность как множественность единичных суждений²⁰. Таким образом, *varietas* и *distinguo* концептуализируют творческий метод «Опытов» как продуманно хаотичную систему. В интерпретации Прата именно подобный беспорядок есть форма размышления и письма, которую разрабатывает Монтень. Толкование Прата основано на объяснениях, в которые неоднократно пускается сам Монтень, стремящийся к максимальной свобо-

17. «Разнообразие заимствований не только помогает опознать в нашем авторе представителя гуманистической культуры, но в еще большей степени обеспечивает условия функционирования свободной мысли» (*Prat S. Op. cit.* P. 29).

18. *Ibid.* P. 217.

19. Наблюдения Прата можно дополнить еще одной параллелью. В трактате «Против ученых» (книга VII, «Против логиков») Секста Эмпирика, которым Монтень интересовался долгие годы, находим следующую формулировку: «философия есть некая пестрая вещь» (*Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1975–1976. Т. 1. С. 61*). Об античной мифологии ткачества см.: *Scheid J, Svenbro J., Le Métier de Zeus: Mythe du tissage et du tissu dans le monde gréco-romain. P.: La Découverte, 1994*. Интересные наблюдения по поводу образа ткача/пряжи в классической живописи сделаны Виктором Стоикитой в его инаугурационной лекции в Коллеж де Франс, посвященной анализу картины Веласкеса «Пряхи» (*Stoichita V. “Les Fileuses” de Velázquez: textes, textures, images. P.: Collège de France/Fayard, 2018*).

20. *Prat S. Op. cit.* P. 223–227.

де изложения и много внимания уделяющий средствам, эту свободу обеспечивающим. Вкупе с тонкими наблюдениями Арасса рассуждения Прата предоставляют возможность интерпретировать метод и форму «Опытов», рассматривая эту книгу в контексте интеллектуальной истории, чтобы добиться более точного понимания того, какую роль играет в ней понятие непостоянства. Развивая эти две интерпретации концептов *sprezzatura* и непостоянства, существенных для книги французского мыслителя, мы попытаемся предложить еще одну, дополнительную интерпретацию, позволяющую, по нашему мнению, более точно описать композиционные особенности «Опытов» и прояснить их суть, а именно праздность.

Из идей Монтеня о тотальности непостоянства, развивающих философию скептицизма и дополненных психологическими, климатологическими, антропологическими и историко-культурными наблюдениями, выводится необходимость изоморфности фиксирующего творческий опыт текста непостоянству мира и человека. Эта изоморфность воплощается в практике импровизационного, депрессивного письма:

У меня нет другого связующего звена при изложении моих мыслей, кроме случайности (*la fortune*). Я излагаю свои мысли по мере того, как они у меня появляются; иногда они теснятся гурьбой, иногда появляются по очереди, одна за другой. Я хочу, чтобы виден был естественный и обычный ход их во всех зигзагах. Я излагаю их так, как они возникли²¹.

Таким образом, в качестве принципа переживания тотального непостоянства в творчестве Монтень выбирает непреднамеренность и непредсказуемость литературного опыта. Для риторической традиции, в которой речь и размышления регламентированы и детерминированы разнообразными правилами и соответствиями, подобное письмо — разрушительный, смелый эксперимент. Монтень получил блестящее образование, в совершенстве знал латынь, был сведущ в риторике. В «Опытах» он не раз пишет о том, что латынь для него — родной язык, вытесненный французским. «Опыты» написаны именно по-французски, хотя и изобилуют цитатами из древнеримских классиков. Свой принцип письма, альтернативный устоявшейся риторической традиции, Монтень формулирует в размышлениях о Цицероне. Этот принцип основан на самоидентификации через антириторическое, самобытное письмо, то есть на максимальном приближении книги к автору и его индивидуаль-

21. Монтень М. де. Опыты. Кн. 2. С. 83–84.

ному опыту²². Позднее Жорж-Луи Бюффон сформулирует то, что так занимало Монтеня, следующим образом: «Стиль — это я». Важно отметить, что в споре с Цицероном Монтень выбирает себе авторитетного союзника — Сенеку, отстаивавшего индивидуальное своеобразие письма как основу литературной фиксации опыта²³.

Отсюда следует, что столь важная для Монтеня спонтанность представляет собой концептуализацию «естественности» (непосредственности) как алеаторики, основанием которой является эмпирический опыт. Логика Монтеня в этом отношении — это логика естественно-научного знания, стремящегося познать природу в ее данности, не опосредованной системами и концепциями. В своем литературном автопортрете мыслитель документирует одновременно опыт пережитого и опыт написания книги под названием «Опыты». Эксперимент произвольного письма состоит в последовательной фиксации всего процесса работы над проектом:

Я хочу, чтобы по моим писаниям можно было проследить развитие моих мыслей и чтобы каждую из них можно было увидеть в том виде, в котором она вышла из-под моего пера. Мне будет приятно проследить, с чего я начал и как именно изменялся²⁴.

Сам ход работы над книгой и есть ее предмет, то есть обретение автором себя посредством написания текста. Этот своего рода нарциссический рефлексивный документализм был формой проявления свободы в самопознании, которая формировала мысль и письмо Монтеня²⁵. Надо отметить, что он неоднократно

22. О том, как риторическая традиция представлена в «Опытах» Монтеня, см.: Cave T. *Cornucopian Text: Problems of Writing in the French Renaissance*. Oxford: Clarendon Press, 1979; *Idem*. *Préhistoires: textes troublés au seuil de la modernité*. Genève: Droz, 1999; Hoffmann G. *Montaigne's Career*. Oxford: Clarendon, 1998; *Rhétorique de Montaigne* / F. Lestringeant (éd.). P.: Champion, 1985; *Montaigne et la rhétorique* / J. O'Brien et al. (dir.). P.: Classiques Garnier Numériquearis, 1995.

23. Любопытно, что поздние эстетические системы, построенные на основе концепта случайного, как правило, изолированы от экзистенциального или эмпирического опыта и ориентированы на эксперименты с формой. Особенно ярко это проявляется в эпоху модернизма: например, в поэзии Стефана Малларме, в творчестве дадаистов, сюрреалистов или Марселя Дюшана. И бросок костей, не упраздняющий случая, и иррационализация художественного языка, и автоматическое письмо свидетельствуют о том, что случай в искусстве, по существу своему, не случаен, но репрезентирует тот или иной концепт случайного.

24. Монтень М. де. Опыты. Кн. 2. С. 468.

25. Gregory M. E. *Montaigne // Idem. Free Will in Montaigne, Pascal, Diderot, Rousseau, Voltaire and Sartre*. Berlin: Peter Lang, 2012. P. 29–44.

но и на разных стадиях создания «Опытов» вносил изменения в текст. В этом отношении он не ставил себе никаких ограничений, совершенно свободно каждым новым дополнением свидетельствуя об опыте, пережитом автором во время работы над книгой. Сноски, внесенные в текст при его переработке, также говорят о свободе, с которой французский гуманист вел диалог с философами древности и современности²⁶. Едва ли может показаться неожиданным, что эта уникальная перформативная стенограмма спонтанной умозрительной работы заинтересовала «новых романистов». Напомним о том, что один из наиболее ярких представителей «нового романа», Мишель Бютор, посвятил Монтеню книгу эссе, отрывок из которой был процитирован выше²⁷.

Изоморфность письма, жизни и действительности концептуализируется как намеренное безделье и праздность, воспроизводящие древнеримские представления об *otium*'е в интеллектуальном контексте эпохи позднего Возрождения, иронично и парадоксально, что свойственно философам-скептикам, которыми Монтень некоторое время увлекался. Именно так в начале первого тома, в эссе «О праздности», анонсировался на первых порах проект «Опытов»:

Уединившись с недавнего времени у себя дома, я проникся намерением не заниматься, насколько возможно, никакими делами и провести в уединении и покое то недолгое время, которое мне остается еще прожить. Мне показалось, что для моего ума нет и не может быть большего благодеяния, чем предоставить ему возможность в полной праздности вести беседу с самим собою, сосредоточиться и замкнуться в себе²⁸.

Этот замысел последовательно осуществляется на протяжении многих лет как опыт напряженной внутренней работы. Праздность интеллектуала и в эпоху Горация²⁹, и в эпоху Ренессанса³⁰, и позднее³¹ подразумевала погружение в личный умозрительный мир — труд мыслительный, душевный и духовный. По мнению

26. La Varietas à la Renaissance.

27. Бютор М. *Op. cit.*

28. Монтень М. *де*. Опыты. Кн. 1. С. 32–33.

29. André J.-M. *Otium dans la vie morale et intellectuelle romaine: des origines à l'époque augustéenne*. P.: Presses Universitaires de France, 1966.

30. Vickers B. *Leisure and Idleness in the Renaissance: the Ambivalence of Otium* // Renaissance Studies. 1990. Vol. 4. № 2. P. 107–154.

31. Малевич К. *Лень как действительная истина человечества*. М.: Гилея, 1994 [1921]; Толстой Л. Н. *Неделание* // Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гослитиздат, 1954 [1893]. С. 173–201.

Монтеня, в этом и состоит освобождение того, кто предпринимает подобный эксперимент³². Во втором томе он пишет:

До крайности ленивый, до крайности любящий свободу и по своему характеру, и по убеждению, я охотнее отдам свою кровь, чем лишний раз ударю палец о палец. Душа моя жаждет свободы и принадлежит лишь себе и никому больше; она привыкла распоряжаться собой по собственному усмотрению. Не зная над собой до этого часа ни начальства, ни навязанного мне господина, я беспрепятственно шел по избранному мной пути, и притом тем шагом, который мне нравился³³.

Последовательная праздность, поставленная во главу угла, — залог обретения свободы, которая, в свою очередь, обеспечивает становление личности, следующей самой природе. В финале «Опытов» читаем:

Действительно, умение достойно проявить себя в своей природной сущности есть признак совершенства и качество почти божественное³⁴.

Идентичность по Монтеню есть результат следования своему опыту в произвольности его развертывания. Верный идеалам праздного досуга, реализующего личность в ее уникальной индивидуальности, Монтень пишет книгу, которая создает его самого:

Моя книга в такой же мере создана мной, в какой я сам создан моей книгой. Это — книга, неотделимая от своего автора, книга, составляющая мое основное занятие, неотъемлемую часть моей жизни³⁵.

Именно таким образом — как эксперимент по созданию самого себя посредством создания книги в жанре рефлексивного, документирующего разные стадии поступательной работы автопортрета — и следует понимать одно из значений названия трехтомника Монтеня. «Опыты» — это в первую очередь предпринятый мыслителем беспрецедентный эксперимент. Праздность — способ,

32. О развитии Монтенем философии *otium*’а по Цицерону, а также о влиянии на него размышлений Сенеки об *otium sapientis* см.: Esclapez R. Loïsivité créatrice dans les “Essais”: persistance et épanouissement d’un thème (1580–1599) // Montaigne et les “Essais”. 1588–1988. Actes du congrès de Paris (janvier 1988) réunis par Claude Blum. P.: Champion, 1990. P. 25–39.

33. Монтень М. де. Опыты. Кн. 2. С. 345–346.

34. Там же. Кн. 3. С. 390.

35. Там же. Кн. 2. С. 371.

который позволяет его успешно реализовать, а также, вне всяких сомнений, великая утопия, способная даровать творческую свободу и вести к вершинам познания себя. Ведь безделье для автора «Опытов» — это вечное возвращение к внутренней работе самопознания и самостроения, которая зиждется на «естественном», эмпирическом отношении к миру и жизни:

...я жажду лишь одного: окончательно облениться и проникнуться ко всему равнодушием³⁶.

Монтень был вдохновлен утопией праздности. Как один из «новых пирронистов», он следовал идее Пиррона о необходимости воздерживаться от суждений, претендующих на безусловную достоверность, понимая безразличие как дистанцированную, отстраненную позицию познающего³⁷. Автор «Опытов» при этом избегал обращения к риторической традиции, рекомбинирующей готовые модели философского размышления или литературного высказывания. Его письмо всячески нарушало ее правила и установки, свидетельствуя о небывалом, длившемся долгие годы эксперименте. Работая над автопортретом, Монтень дорожил всем, что становилось частью этой работы, как бы дигрессивно ни продвигалось его размышление. Искусственная небрежность, с которой автор ставил над собой опыты по познанию себя, была опосредована принципом алеаторики — непреднамеренности и непредсказуемости рассуждений и фиксирующего их письма. Алеаторика была концептуализирована как система, реконструкцией которой занимались и продолжают заниматься читатели и исследователи Монтеня.

Данная статья — попытка дополнить наблюдения коллег над структурой «Опытов» и методом их создания. Алеаторика Монтеня, основанная на понимании праздного досуга как умозрительной и духовной работы и обдумываемая автором как принцип письма на протяжении всего времени написания «Опытов», из столетия в столетие завоевывала все новых и новых поклонников. Праздность, понятая как произвольность и случай, изоморфные непостоянству мира и человека, была возведена автором знаменитой книги в принцип философского, экзистенциального и творческого эксперимента. Нам представляется, что именно ее художественная и социально-психологическая энергия наделила Монтеня той небывалой свободой, которая передается читателю «Опытов» по сей день.

36. Там же. Кн. 3. С. 199.

37. *Секст Эмпирик*. Соч. Т. 2. С. 52; *Popkin R. H. Michel de Montaigne and the Nouveaux Pirrhoneiens*. P. 44–63.

Библиография

- Малевич К. Лень как действительная истина человечества. М.: Гилея, 1994.
- Монтень М. де. Опыты: В 3 кн. М.: Голос, 1992.
- Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1975–1976.
- Толстой Л. Н. Неделание // Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 29. С. 173–201.
- André J.-M. Lotium dans la vie morale et intellectuelle romaine: des origines à l'époque augustéenne. P.: Presses Universitaires de France, 1966.
- Arasse D. Le sujet dans le tableau. Essais d'iconographie analytique. P.: Flammarion, 2006.
- Bowen B. C. The Age of Bluff: Paradox and Ambiguity in Rabelais and Montaigne. Urbana: University of Illinois Press, 1972.
- Butor M. Essais sur les Essais. P.: Gallimard, 1968.
- Cave T. Cornucopian Text: Problems of Writing in the French Renaissance. Oxford: Clarendon Press, 1979.
- Cave T. Préhistoires: textes troublés au seuil de de la modernité. Genève: Droz, 1999.
- Compagnon A. Nous, Michel de Montaigne. P.: Seuil, 1980.
- Esclapez R. Loisivité créatrice dans les "Essais": persistance et épanouissement d'un thème (1580–1599) // Montaigne et les "Essais". 1588–1988. Actes du congrès de Paris (janvier 1988) réunis par Claude Blum. P.: Champion, 1990. P. 25–39.
- Gregory M. E. Montaigne // Idem. Free Will in Montaigne, Pascal, Diderot, Rousseau, Voltaire and Sartre. B.: Peter Lang, 2012. P. 29–44.
- Hendrick P. J. Montaigne, Lucretius and Scepticism: An Interpretation of the Apologie of Raimond Sebond. Dublin: Royal Irish Academy, 1979.
- Hoffmann G. Montaigne's Career. Oxford: Clarendon, 1998.
- La Varietas à la Renaissance / D. de Courcelles (dir.). P.: Ecole des chartes, 2001.
- Montaigne et la rhétorique / J. O'Brien, M. Quainton, J. Supple (dir.). P.: Classiques Garnier Numérique, 1995.
- Popkin R. H. Michel de Montaigne and the Nouveaux Pirrhoniens // Idem. The History of Scepticism: From Savonarola to Bayle. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 44–63.
- Popkin R. H. The History of Scepticism: From Savonarola to Bayle. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Pouilloux J.-Y. Montaigne. L'éveil de la pensée. P.: Champion, 1995.
- Prat S. Constance et inconstance chez Montaigne. P.: Classiques Garnier, 2011.
- Regosin R. L. The Matter of My Book: Montaigne's "Essais" as the Book of the Self. Berkeley: University of California Press, 1977.
- Rhétorique de Montaigne / F. Lestringeant (éd.). P.: Champion, 1985.
- Runyon R. P. Order in Disorder: Intratextual Symmetry in Montaigne's Essays. Columbus: Ohio State University Press, 2013.
- Starobinski J. Montaigne en mouvement. P.: Gallimard, 1992.
- Tournon A. Montaigne: la glose et l'essai. P.: Champion, 2000.
- Vickers B. Leisure and Idleness in the Renaissance: the Ambivalence of Otium // Renaissance Studies. 1990. Vol. 4. № 2. P. 107–154.

IDLENESS AND FREEDOM IN MICHEL DE MONTAIGNE'S "ESSAYS"

STANISLAV SAVITSKI. Assistant Professor, Director, Center for Contemporary Art, Smolny Faculty of Liberal Arts and Sciences, stassavitski@yahoo.com.
Saint Petersburg State University (SPbU), 58–60 Galernaya str., 190000
St. Petersburg, Russia.

Keywords: Michel de Montaigne; "Essays"; genre of essay; idleness; freedom.

The article advances a hypothesis about the composition of Michel de Montaigne's *Essays*. Specialists in the intellectual history of the Renaissance have long considered the relationship among Montaigne's thematically heterogeneous thoughts, which unfold unpredictably and often seem to contradict each other. The waywardness of those reflections over the years was a way for Montaigne to construct a self-portrait. Spontaneity of thought is the essence of the person depicted and an experimental literary technique that was unprecedented in its time and has still not been surpassed. Montaigne often writes about freedom of reflection and regards it as an extremely important topic. There have been many attempts to interpret the haphazardness of the *Essays* as the guiding principle in their composition. According to one such interpretation, the spontaneous digressions and readiness to take up very different philosophical notions is a form of *varietas* and *distinguo*, which Montaigne understood in the context of Renaissance philosophy. Another interpretation argues that the *Essays* employ the rhetorical techniques of Renaissance legal commentary. A third opinion regards the *Essays* as an example of *sprezzatura*, a calculated negligence that calls attention to the aesthetic character of Montaigne's writing.

The author of the article argues for a different interpretation that is based on the concept of idleness to which Montaigne assigned great significance. He had a keen appreciation of the role of *otium* in the culture of ancient Rome and regarded leisure as an inner spiritual quest for self-knowledge. According to Montaigne, idleness permits self-directedness, and it is an ideal form in which to practice the freedom of thought that brings about consistency in writing, living and reality, in all of which Montaigne finds one general property — complete inconstancy. Socratic self-knowledge, a skepticism derived from Pyrrho of Elis and Sextus Empiricus, and a rejection of the conventions of traditional rhetoric that was similar to Seneca's critique of it were all brought to bear on the concept of idleness and made Montaigne's intellectual and literary experimentation in the *Essays* possible.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-1-189-200

References

- André J.-M. *Lotium dans la vie morale et intellectuelle romaine: des origines à l'époque augustéenne*, Paris, Presses Universitaires de France, 1966.
- Arasse D. *Le sujet dans le tableau. Essais d'iconographie analytique*, Paris, Flammarion, 2006.
- Bowen B. C. *The Age of Bluff: Paradox and Ambiguity in Rabelais and Montaigne*, Urbana, University of Illinois Press, 1972.
- Butor M. *Essais sur les Essais*, Paris, Gallimard, 1968.
- Cave T. *Cornucopian Text: Problems of Writing in the French Renaissance*, Oxford, Clarendon Press, 1979.
- Cave T. *Préhistoires: textes troublés au seuil de la modernité*, Genève, Droz, 1999.
- Compagnon A. *Nous, Michel de Montaigne*, Paris, Seuil, 1980.

- Esclapez R. Loïsivité créatrice dans les “Essais”: persistance et épanouissement d’un thème (1580–1599). *Montaigne et les “Essais”. 1588–1988. Actes du congrès de Paris (janvier 1988) réunis par Claude Blum*, Paris, Champion, 1990, pp. 25–39.
- Gregory M. E. Montaigne. *Free Will in Montaigne, Pascal, Diderot, Rousseau, Voltaire and Sartre*, Berlin, Peter Lang, 2012, pp. 29–44.
- Hendrick P. J. *Montaigne, Lucretius and Scepticism: An Interpretation of the Apologie of Raimond Sebond*, Dublin, Royal Irish Academy, 1979.
- Hoffmann G. *Montaigne’s Career*, Oxford, Clarendon, 1998.
- La Varietas à la Renaissance* (dir. D. de Courcelles), Paris, Ecole des chartes, 2001.
- Malevich K. *Len’ kak deistvitel’naia istina chelovechestva* [Laziness as the Truth of Mankind], Moscow, Gileia, 1994.
- Montaigne et la rhétorique* (dir. J. O’Brien, M. Quainton, J. Supple), Paris, Classiques Garnier Numérique, 1995.
- Montaigne M. de. *Opyty: V 3 kn.* [Essais: In 3 vols], Moscow, Golos, 1992.
- Popkin R. H. Michel de Montaigne and the Nouveaux Pirrhoniens. *The History of Scepticism: From Savonarola to Bayle*, New York, Oxford, Oxford University Press, 2003, pp. 44–63.
- Popkin R. H. *The History of Scepticism: From Savonarola to Bayle*, New York, Oxford, Oxford University Press, 2003.
- Pouilloux J.-Y. *Montaigne. L’éveil de la pensée*, Paris, Champion, 1995.
- Prat S. *Constance et inconstance chez Montaigne*, Paris, Classiques Garnier, 2011.
- Regosin R. L. *The Matter of My Book: Montaigne’s “Essais” as the Book of the Self*, Berkeley, University of California Press, 1977.
- Rhétorique de Montaigne* (éd. F. Lestringeant), Paris, Champion, 1985.
- Runyon R. P. *Order in Disorder: Intratextual Symmetry in Montaigne’s Essays*, Columbus, Ohio State University Press, 2013.
- Sextus Empiricus. *Soch.: V 2 t.* [Works: In 2 vols], Moscow, Mysl’, 1975–1976.
- Starobinski J. *Montaigne en mouvement*, Paris, Gallimard, 1992.
- Tolstoy L. N. Nedelanie [Non-Action]. *Poln. sobr. soch.: V 90 t.* [Complete Works: In 90 vols], Moscow, Goslitizdat, 1954, vol. 29, pp. 173–201.
- Tournon A. *Montaigne: la glose et l’essai*, Paris, Champion, 2000.
- Vickers B. Leisure and Idleness in the Renaissance: the Ambivalence of Otium. *Renaissance Studies*, 1990, vol. 4, no. 2, pp. 107–154.